

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.4

**СОЦИАЛЬНАЯ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
МОЛОДЕЖИ: СИНТЕЗ
ПРИОРИТЕТОВ И ЦЕЛЕЙ**

Страдзе Александр Эдуардович

Доктор социологических наук,
директор Педагогический институт физической культуры и спорта, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
г. Москва,
e-mail: stradze-ae@mon.gov.ru

**SOCIAL EFFECTIVENESS
OF STATE YOUTH
POLICY AND STATE
SOCIAL SUPPORT
OF YOUTH:
THE SYNTHESIS
OF PRIORITIES
AND GOALS**

Alexander E. Stradze

Doctor of Sociological Sciences,
Director of the Pedagogical Institute
of Physical Culture and Sports,
Moscow City Pedagogical University,
Moscow,
e-mail: stradze-ae@mon.gov.ru

В представленной статье содержится анализ социальной эффективности такого важного инструмента воздействия на молодежь, как государственная социальная поддержка. На основании рассмотрения теоретического и эмпирического материала автор статьи приходит к выводу о том, что в современных условиях и по объективным параметрам в настроениях субъектов государственной социальной поддержки можно говорить о сближении и в определенной степени интеграции государственной социальной поддержки молодежи и государственной молодежной политики. В контексте роста соци-

The article contains the analysis of social effectiveness of state social support as an important tool of influence on the youth. Based on the discussion of theoretical and empirical material, the author comes to the conclusion that on the objective parameters in modern conditions in the moods of the subjects of state social support, a rapprochement and, to some extent, an integration of state social support for youth and state youth policy can be noticed. In the context of the growth of social efficiency, state social support for young people is not only an addition to the state youth policy but also forms its

альной эффективности государственная социальная поддержка молодежи не только является дополнением государственной молодежной политики, но и формирует ее новый социоцентристский формат.

new socio-centrist format.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, государственная социальная поддержка молодежи, социальная эффективность, социальная дифференциация и социальная интеграция молодежи.

Keywords: youth, state youth policy, state social support for youth, social effectiveness, social differentiation and social integration of youth.

Введение

Молодежная политика в российском обществе входит в приоритет властных структур, так как молодежь является демографическим и экономическим ресурсом общества, вне которого трудно рассчитывать на перспективы социокультурной модернизации. Кроме того, с молодежью связывается социальное воспроизводство общества. Очевидно, что в современном мире наибольшими шансами обладают общества со сбалансированной социально-возрастной структурой, с молодыми людьми, профессионально подготовленными и нацеленными на достиженческие ценности.

В российском обществе молодежная политика характеризуется гибридным состоянием: пролонгированием моделей социальной опеки и культурного кураторства молодежи, с одной стороны, и поддержкой молодежных инициатив, добровольных ассоциаций, особенно в сферах инновационной деятельности. Российская социологическая мысль уходит корнями в советское прошлое, в работы В.Н. Филипова, С.И. Иконниковой, Д.Л. Константиновского и др. Несмотря на идеологизированность концептуальных обобщений, был сделан значительный шаг в анализе жизненных путей молодежи, определены условия и направленность социальной трансформации, проанализированы трудовая и деятельностная мотивация молодежи.

Главное, что молодежь как социокультурная и социовозрастная группа стала объектом социологического анализа, было сформировано предметное поле социологии молодежи, но реалии постсоветского периода выявили парадоксы в жизни российской молодежи, социальные проблемы и социальные риски, которые не вмещаются в исследовательский дискурс советского периода. В частности, российские социологи Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Б.А. Ручкин отмечают сужение социально-воспроизводственной функции молодежи, сложности социаль-

но-профессиональной интеграции, социально-территориальную и социально-имущественную дифференциацию молодого поколения.

Исследовательское внимание обращается на молодежную политику как совокупность мер и воздействий властных структур при партнерстве с молодежными и политическими ассоциациями, преследующих целью социализацию, воспитание и развитие молодежи [1, с. 23]. Молодежная политика в современных условиях находится в фокусе оценки политической элиты, ее состояние определяет эффективность социальной политики в целом. Дело в том, что молодежь наряду с пенсионерами традиционно входит в группы социальной опеки, нуждается в реальной помощи и поддержки со стороны государства в процессе социального взросления, формирования жизненных стратегий и мировоззренческих координат.

Молодежная политика в российском обществе достигла определенных результатов в контексте перехода на программно-целевую модель, реализации социальных программ, рассчитанных на среднесрочных и долгосрочный периоды [2, с. 132]. Вместе с тем очевидна необходимость формирования критериев социальной эффективности молодежной политики, позволяющих дать консистентную оценку целям, результатам и последствиям молодежной политики, усилить социальный диагноз и социальную экспертизу деятельности структур молодежной политики [3, с. 86].

Методологические аспекты исследования

Социальная политика входит в сферу рассмотрения различных теоретико-методологических подходов. Доминирующим до сих пор является структурно-функционалистский подход, в котором ключевыми исследовательскими конструктами можно считать структуру и функции социальной политики, ее соответствие критериям социальной стабильности, безопасности, интегрированности. В рамках анализа молодежной политики функционализм обозначен в работах В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок. Для них социальная поддержка молодежи является прелиминарным условием социализации молодежи, является инструментом нейтрализации социальных девиаций и снижения рисковенного потенциала в молодежной среде. Заявленная исследовательская позиция состоит в том, что критериями социальной эффективности государственной молодежной политики и государственной социальной поддержки молодежи квалифицируются социально-профессиональная интегрированность молодежи, соотношение модальных и девиантных жизненных стратегий молодежи, уровень самоорганизации и саморегулирования молодежи в социальной сфере [1, 2].

Неоинституциональный подход, представленный в работах А.И. Дискина, Р.А. Капелюшниковой, Г.А. Чередниченко, нацеливает на понимание государственной социальной поддержки молодежи в рамках выявления влияния сложившейся институциональной среды, роли государства как координатора социальной помощи молодежи, функционирования институтов молодежи на фоне сложившихся неформальных практик [4]. Критерии социальной эффективности определяются через уровень институционального доверия, институционализации практик помощи молодежи, соотношения формальных и неформальных нор в сфере помощи молодежи.

Структурно-деятельностный подход, реализуемый в работах М.К. Горшкова, Ю.Г. Волкова, Н.А. Тихоновой, И.А. Халий, Ф.И. Шереги, сосредоточен на определении критериев социальной эффективности государственной молодежной политики и государственной социальной поддержки молодежи на основе показателей социальной интегрированности, социально-профессионального, образовательного статусов, социальной дифференциации в молодежной среде. Отмечается, что государственная социальная поддержка эффективна в рамках социальной адресности, ресурсобеспеченности и квалифицированности реализуемых действий поддержки [3–5].

В анализе субкультур молодежи В.А. Луков подчеркивает соотношение социальной эффективности государственной поддержки молодежи с образами «социальной поддержки в молодежной среде», с влиянием субкультурных установок на реализуемость поддержки по отношению к различным группам молодежи [6].

В рамках реализуемого исследования наиболее обладающим аналитическим, объяснительным и прогностическим потенциалом является структурно-деятельностный подход, так как государственная социальная поддержка содержит структурные, институциональные и деятельностные параметры. Вместе с тем речь идет о многомерной модели исследования, что включает процедуры структурно-функционального анализа и выявления субкультурных интенций в молодежной среде.

Состояние государственной социальной поддержки молодежи: достижения и проблемы

Российская молодежь характеризуется доминированием интегративных признаков, статусом в системе социального воспроизводства, ориентированностью на будущее, социальным оптимизмом. Вместе с тем высок уровень дифференциации в молодежной среде, высоки социальные и социально-территориальные различия. Более 30 % выпускников вузов не находят в течение года работу, 18 % молодых рос-

сиян можно причислить к низкодоходным социальным группам [7, с. 96]. Высок разрыв между городской молодежью и молодыми жителями малых российских городов и поселений [7, с. 92]. Сферы профессиональной деятельности, быта, досуга молодежи находятся в состоянии социального параллелизма, несовпадения жизненных стратегий, поведенческих кодов, ценностных установок. Речь идет о том, что государственная социальная поддержка молодежи отражает необходимость с целью обеспечения общенациональных интересов принятия и реализации мер, направленных на ослабление социальных и социально-территориальных диспропорций в молодежной среде.

Ведущий российский социолог Ж.Т. Тощенко подчеркивает, что сформировавшийся феномен парадоксального человека порождает потребность в новом социологическом осмыслении противоречий в российском обществе [8, с. 18]. В массовом сознании молодежи уживаются индивидуализм и стремление к коллективным действиям, претензии на социальную независимость и потребность в социальной опеке. В сложившихся условиях государственная социальная поддержка молодежи осуществляется в программно-целевом формате. С начала 2000-х гг. разработаны и введены в практику программы жилищной ипотеки, поддержки молодежных инициатив в сфере малого и среднего бизнеса, интеграции молодежных движений в социально-политическую жизнь страны.

Но срабатывает синдром парадоксальности, который проявляется в том, что в рамках государственной социальной поддержки молодежи слабо учитывается уровень экономической и социальной активности, есть определенный перекося в сторону патернализма, затраты средств на структуры посредничества и представительства вместо помощи конкретным адресатам [8]. Государственная социальная поддержка молодежи – это не только и не столько помощь нуждающимся, низкоадаптированным слоям молодежи, но и стимулирование деятельности достиженческих слоев молодежи.

Вероятно, результативность могла быть выше и иметь значимые последствия, если бы в рамках реализуемых мер был проведен социальный аудит, выявлены наиболее прорывные и имеющие перспективы реализации направления и проекты [3]. Пока же целевые программы «страдают» слабой разработанностью исходных условий, не развиты процедуры мониторинга на этапе реализации, 25 % проектов не доводятся до конца [9, с. 219].

Иными словами, запущены механизмы государственной социальной поддержки и найдены оптимальные формы ее реализации, но качество управления и контроля не соответствует поставленным целям

и задачам, и не менее важно, что не анализируется социальный и социально-креативный потенциал групп молодежи [10].

Это имеет последствием неэффективное использование финансовых ресурсов, деконцентрацию усилий при получении «посредственного результата». Говоря об этом, не следует впадать в излишний критицизм в условиях политики экономии, мобилизации общества перед внутренними и внешними вызовами. Государственная социальная поддержка входит в фазу роста социальной эффективности, если определены стартовые площадки и условия, к разработке и участию привлекаются представители экспертного сообщества, общественные и политические организации, активная молодежь.

Действующая модель, как отмечалось ранее, адекватна социальному положению российской молодежи, централизована в силу резких социально-территориальных различий, не допускает рисков абсолютного обнищания и деградации молодежной среды. С этими параметрами государственной социальной поддержки молодежи согласны 46 % молодых россиян [4, с. 147]. Можно констатировать, что сформировалась самостоятельное направление социального управления, оказывающее влияние на перспективы развития российской молодежи.

Заслуживают внимания региональные и локальные инициативы по повышению социальной эффективности государственной социальной поддержки молодежи [9]. Например, позитивный опыт накоплен в Краснодарском крае, Белгородской, Томской, Новосибирской областях [9]. Это касается и рационального использования финансовых ресурсов, поддержки молодежных региональных проектов, расширения рынка труда. Можно сделать вывод о том, что государственная социальная поддержка молодежи испытывает тренд регионализации и локализации. Вместе с тем выявляются узкие места «усреднения» федеральных программ, недостаточная ресурсообеспеченность инициатив снизу, дефицит внимания к сельской молодежи.

Таким образом, есть и достижения, и проблемы. Государственная социальная поддержка молодежи основывается на модели вертикальной интегрированности, централизованности, связана со статусом государства как гаранта и субъекта социальной политики. В нынешней ситуации данная модель обладает преимуществом концентрации финансовых и управленческих ресурсов, воспроизводит матрицу единого социального пространства России, обеспечивает равный доступ к социальным ресурсам на уровне регионов и муниципальных образований.

Проблемы в реализации государственной социальной поддержки молодежи состоят в определенной забюрократизированности, медли-

тельности, реализации «от достигнутого результата». Между тем в молодежной среде происходят изменения, связанные с внутренней и внешней миграцией молодежи, с усилением социально-имущественных различий, с возникновением зон застоя и бедности. Наиболее эффективным представляется переход от реактивной к планирующей модели государственной социальной поддержки молодежи, основанной на индикаторах социального положения и социального самочувствия молодого поколения.

Если попытаться сделать некоторое обобщение, то следует сказать, что, во-первых, государственная социальная поддержка молодежи легитимирована в системе социального управления, осознается как неотъемлемая часть государственной молодежной политики. Во-вторых, для исследования новых социальных реальностей в жизни российской молодежи она имеет проективное значение, требует нахождения альтернатив устаревшим моделям социальной опеки и патернализма. В-третьих, реализация государственной социальной поддержки молодежи предполагает, что социальная дифференциация в молодежной среде ограничивается «справедливыми» социальными неравенствами [11, с. 413], социально-территориальные различия связаны с фоновыми условиями, которые нивелируются в процессе эффективной помощи молодежи.

В этой ситуации существующие проблемы дают стимул для совершенствования системы контроля и управления, обновления кадрового потенциала, повышения репутационности государственной поддержки. Это возможно при включении механизмов партнерства, привлечения ресурсов бизнес-сообществ и гражданских ассоциаций, повышения информированности общества о целях и результатах государственной социальной поддержки молодежи.

Государственная социальная поддержка молодежи: вклад в развитие молодежной политики в России

Очевидно, что государственная социальная поддержка молодежи, ориентированная на ее социальное развитие, не только дополняет и расширяет возможности молодежной политики, но и определяет ее приоритеты в социальной сфере российского общества. Дело в том, что государственная социальная поддержка молодежи является политикой социальных обязательств Российского государства, в ней реализуются принятые в государственной политике социальные стандарты и нормы. Можно говорить о том, что государственная социальная поддержка молодежи является программой социального минимума, создает базовые условия для развития молодежи.

Не отрицая влияния молодежной политики на социализацию и воспитание молодежи, следует говорить о том, что вне повышения качества жизни молодежи трудно прогнозировать перспективы ее социальной и политической активности. Если исходить из того, что 6 % молодых россиян готовы участвовать в деятельности молодежных ассоциаций [5], когда не делается существенное различие между «государственными» и «самодеятельными» общественными структурами, в рамках социальной политики возможен рост инициативы.

Государственная социальная поддержка молодежи не ограничивается только целевыми программами, в ней воплощаются инновации, выражающие потребность социальной самореализации молодежи, на которую настроено 56 % молодых россиян [5]. Это касается не только сферы профессиональной деятельности, но и образования, социальных коммуникаций, досуга. Для молодых россиян государственная социальная поддержка является эффективной, если содержит достижение равенства возможностей. Именно так российская молодежь воспринимает социальную справедливость. У молодых россиян не пользуется поддержкой идея социального уравниательства. Но в той же степени в молодежной среде не находят популярности идеи социальной исключительности, социального расизма и высокомерия.

Поэтому сохраняется роль высшего образования как социального лифта и коридора возможностей восходящей социальной мобильности. Государственная социальная поддержка имеет важное значение в демократизации и открытости сферы высшего образования при реализации модели соучастия государства и бизнеса, при включении молодежи в развитие системы социально-трудовых отношений [12]. Общество заинтересовано в высококвалифицированных и мобильных специалистах, от которых зависят и будущее экономики, и устойчивость российского общества.

Несомненно, в рамках развития государственной молодежной политики требуется расстановка новых акцентов, обусловленных введением в молодежную политику «малых дел», связанных с социальными акциями в рамках повседневных практик молодых россиян, с улучшением условий жизни, среды обитания, создания инфраструктуры культуры и досуга.

Государственная молодежная политика основывается на преемственности патриотизма, верности Российскому государству, включении российской молодежи в процесс приобщения к российской цивилизации. Государственная социальная поддержка актуализирует традиции, связана с воспроизводством исторической памяти, преодолением социокультурных травм и социальных мифов. Это выражается в установке на развитие и поддержку гражданских и креативных качеств

российской молодежи, ее способности к честной конкуренции на рынке труда, укреплении межпоколенческого диалога.

Наблюдая изменения в структуре и целях государственной социальной поддержки молодежи, можно сделать вывод о том, что в нынешних условиях существует синтез двух направлений, связанных с молодежью. Вырабатывается общее видение проблем молодежи и ее социальных перспектив. Учитывая влияние социальных рисков, социальной неопределенности в государственной социальной политике, реализуется принцип добровольного участия молодежи в социальных проектах. Таким образом, усиливаются аттракторы молодежных организаций, вовлеченных в процесс реализации молодежной политики.

Характерно, что последовательно осуществляется отказ от бюрократических структур, от создания молодежных мегаорганизаций (типа комсомола советских времен) [13, с. 296]. Приходит понимание гибких структур, организаций, действующих по принципу сетевого взаимодействия, приносящих реальные результаты в сферах, дифференцированных по интересам молодежи. Государственная социальная поддержка молодежи, оставаясь институтом централизации, влияет на структуры государственной молодежной политики через распределение и контроль финансовых и социальных ресурсов, через институализацию практик социальной ответственности власти и общества.

Заключение

Можно констатировать, что государственная социальная поддержка молодежи имеет перспективы сближения с государственной молодежной политикой в контексте координации действий в сфере социальной политики в молодежной среде, насыщения молодежной проблематики социальными смыслами и значениями, в повороте молодежных организаций к объединяющим большинство россиян вопросам социальной справедливости и социальной разумности. Благодаря этому формируются новые коммуникации диалога элит и общества, как подтверждается результатами проведенного исследования, российская молодежь настроена на модель взаимных обязательств государства и молодежи, на паритет социального минимума со стороны государства и самостоятельность молодежи в реализации жизненных стратегий, выборе жизненного пути. Не отказываясь от помощи низкоадаптированным слоям молодежи, речь идет о приведении в действие программ образовательной и профессиональной подготовки, открытии новых рабочих мест и содействии в развитии молодежного предпринимательства. Итак, в государственной социальной поддержке молодежи проявляются тенденции передачи ответственности молодежи, укрепления управленческой дисциплины и вклю-

чения механизмов координации с государственной молодежной политикой. Поэтому речь идет о предпосылках важных для молодежи процессов социокультурной модернизации российского общества.

Литература

1. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социальные регуляции в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М. : Academia, 2008. 272 с.
2. *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Социология молодежи. М. : Норма; ИНФРА-М, 2011. 336 с.
3. *Волков Ю.Г.* Социальная диагностика и социологическая экспертиза. М. : КНОРУС, 2015. 240 с.
4. Постсоветский институционализм – 2006. Ростов н/Д. : Наука-Пресс, 2006. 512 с.
5. *Горшков М.К., Шереги Ф.И.* Молодежь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. 592 с.
6. *Луков В.А.* Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Новые идеи в социологии / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 397–417.
7. Российское общество и вызовы времени. Книга 2 / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М. : Весь мир, 2015. 432 с.
8. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М. : Гардарики, 2001. 398 с.
9. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М. : Новый хронограф, 2015. 624 с.
10. *Волков Ю.Г.* Креативное общество как цель модернизации // Новые идеи в социологии / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 202–213.
11. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.
12. *Воденко К.В.* Перспективы государственного регулирования сферы высшего образования // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22, № 6. С. 211–220.
13. *Халий И.А.* Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М. : Институт социологии РАН, 2007. 300 с.

Поступила в редакцию

References

1. *Zubok Yu.A., Chuprov V.I.* Sotsial'nye regulyatsii v usloviyakh neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi. M. : Academia, 2008. 272 p.
2. *Chuprov V.I., Zubok Yu.A.* Sotsiologiya molodezhi. M.: Norma; INFRA-M, 2011. 336 p.
3. *Volkov Yu.G.* Sotsial'naya diagnostika i sotsiologicheskaya ekspertiza. M. : KNORUS, 2015. 240 p.
4. Postsovetskiy institutsionalizm – 2006. Rostov n/D. : Nauka-Press, 2006. 512 p.
5. *Gorshkov M.K., Sheregi F.I.* Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret. M. : TsSPiM, 2010. 592 p.
6. *Lukov V.A.* Kontseptualizatsiya molodezhi v XXI veke: novye idei i podkhody // Novye idei v sotsiologii / отв. red. Zh.T. Toshchenko. M. : YuNITI-DANA, 2013. P. 397–417.
7. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga 2 / M.K. Gorshkov [i dr.]; отв. red. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. M. : Ves' mir, 2015. 432 p.
8. *Toshchenko Zh.T.* Paradoksal'nyy chelovek. M. : Gardariki, 2001. 398 p.
9. Regional'naya sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsial'nogo prostranstva Rossii. M. : Novyy khronograf, 2015. 624 p.
10. *Volkov Yu.G.* Kreativnoe obshchestvo kak tsel' modernizatsii // Novye idei v sotsiologii / отв. red. Zh.T. Toshchenko. M. : YuNITI-DANA, 2013. P. 202–213.
11. *Shkaratan O.I.* Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'. M. : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. 526 p.
12. *Vodenko K.V.* Perspektivy gosudarstvennogo regulirovaniya sfery vysshego obrazovaniya // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. T. 22, № 6. P. 211–220.
13. *Khaliy I.A.* Sovremennye obshchestvennyye dvizheniya: innovatsionnyy potentsial rossiyskikh preobrazovaniy v traditsionalistskoy srede. M. : Institut sotsiologii RAN, 2007. 300 p.

14 июля 2017 г.